

О правилах в современном праксисе

И.Я. Мацевич-Духан

Белорусская государственная академия искусств, Минск, Беларусь

Аннотация

В статье анализируются различные социально-философские подходы к категориальной фиксации правил в современном праксисе. Конкретизируются статус и роль понятия правила в практической философии. Сопоставляются преимущества использования неоаристотелевского, неокантианского и социально-критического подходов к выделению валидных форм правил праксиса. Раскрываются взаимообусловленность и преемственность данных подходов к интерпретации сущности практического правила в социальной философии. Рассматривается возрождение аристотелевского определения праксиса в работах Э. Штайн и А. Макинтайра. Обосновывается актуальность использования неокантианского подхода к прояснению природы практического правила в современной социальной теории на примере работ Р. Йегги, Е. фон Редекер и Дж. Батлер. Прослеживается в их рамках продуктивное взаимодействие неоаристотелевского и неокантианского подходов к определению правил праксиса. Особое внимание уделяется философии Г. Лотце и Э. Ласка, реализующей практический поворот от аристотелевского свершения поступка как такового к кантианскому суждению о ценности той или иной формы его воплощения. Проблематизируется доминирование в современной социальной теории аксиологического подхода к праксису посредством неоаристотелевской трактовки, не допускающей его отчуждения от сущности добродетельного действия. Рассматриваются характерные для позднего модерна формы реализации практического правила в творческой деятельности. Обосновывается необходимость обращения теории практик к неокантианской и неоаристотелевской традициям с целью выявления валидных форм выражения и сохранения нормативно-ценностной природы правил в современном обществе. Таким образом может быть частично преодолен прагматический релятивизм теории практик, дискурсивно размывающей традиционный сущностный смысл правила праксиса в его ситуативно обусловленном интересубъективном истолковании. С учетом комплексности и нелинейности развития социальной действительности, а также многообразия подходов к ее осмыслению показана актуальность определения контекстуально

возможных и универсально необходимых форм правил праксиса, поддающихся научному оправданию в качестве ценностно значимых.

Ключевые слова: социальная философия, социальная практика, практическое правило, форма правила, нормативность, ценность, творческая деятельность.

Мацевич-Духан Ирина Янушевна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Белорусской государственной академии искусств.

iryna.matsevich@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-5263-2371>

Для цитирования: *Мацевич-Духан И.Я. О правилах в современном праксисе* // Философские науки. 2022. Т. 65. № 3. С. 58–76.
DOI: 10.30727/0235-1188-2022-65-3-58-76

On Rules in Contemporary Praxis

I.Ja. Matsevich-Dukhan

Belarusian State Academy of Arts, Minsk, Belarus

Abstract

The article exposes the analysis of different socio-philosophical approaches to the fixation of a rule in contemporary praxis. It clarifies the status and role of the rule as a notion in practical philosophy. The author compares the advantages of neo-Aristotelian, neo-Kantian and socio-critical approaches to the revelation of valid forms of praxis rules. In the framework of social philosophy, the article demonstrates the interdependency and succession of these approaches to the interpretation of the essence of the practical rule. The renaissance of the Aristotelean definition of praxis is considered in the works by E. Stein and A. MacIntyre. The relevance of the neo-Kantian approach to the revelation of the nature of practical rule in contemporary social theory is justified on the basis of works by R. Jaeggi, E. von Redeker and J. Butler. The author traces the productive interaction between the neo-Aristotelean and the neo-Kantian approaches to defining praxis rules. Special attention is paid to the philosophy of H. Lotze and E. Lask, where is accomplished the practical turn from the Aristotelean accomplished deed itself to the Kantian judgement about a value of this or that form fulfillment. The dominance of the axiological approach to praxis in contemporary social theory is problematised by means of the neo-Aristotelean interpretation, which prevents its alienation from the essence of the virtue action. The late modern characteristic forms of the practical rule fulfillment in creative activity are considered. There is justified the necessity of turning the theory

of practices to the neo-Kantian and the neo-Aristotelean traditions in order to reveal valid forms of expressing and preserving the value-normative nature of rules in contemporary society. That can partially overcome the pragmatic relativism of the theory of practices, which neglects the traditional sense of the praxis rule in its situational intersubjective interpretation. Taking into account complexity and non-linear development of social reality, as well as of the variety of approaches to its reflection, there is explicated the relevance of the determination of contextually possible and universally necessary forms of praxis rules, which are justifiable as value meaningful.

Keywords: social philosophy, praxis, social practice, practical rule, rule form, normativity, value, creative activity.

Iryna Ja. Matsevich-Dukhan – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Department of the Humanities, Belarusian State Academy of Arts.

iryna.matsevich@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-5263-2371>

For citation: Matsevich-Dukhan I.Ja. (2022) On Rules in Contemporary Praxis. *Russian Journal of Philosophical Sciences* = *Filosofskie nauki*. Vol. 65, no. 3, pp. 58–76. DOI: 10.30727/0235-1188-2022-65-3-58-76

Введение

В каждую историческую эпоху происходит переосмысление природы правил социального сосуществования. Если попытаться выработать универсальное определение правила, то едва ли можно его использовать в современном мире без учета всевозрастающего числа исключений.

Особенно ярко проблема социальной природы правил проявилась в 2020–2022 годы в ситуации, связанной с пандемией коронавируса COVID-19, вплетенной в череду политических конфликтов и экономических кризисов последних лет. В это время становится очевидным тот факт, что правила могут стремительно мутировать, искусственно создаваться, замещаться, игнорироваться, оспариваться, оставаясь при этом правилами, вновь утверждаемыми и принимаемыми с учетом обстоятельств дела. Однако реакция индивидов на данные изменения правил, быстро и интенсивно проявляющиеся в ограниченном пространстве и времени, оказывается неоднозначной во всех слоях населения: от принятия и одобрения до сопротивления и осуждения нововведений. В этом контексте возникает вопрос о сохранении самой возможности следования неким (не)явно установленным правилам со-

циальной практики в XXI веке в соответствии с их формальным определением. Если предполагать их изменчивость, что значит действовать по правилам постоянно «мутирующего» праксиса в современном мире?

Практика с точки зрения практики не собирается, распадается, поскольку ей нужна теория с ее правилами, подводящими особенное под общее, для всестороннего созерцания последних основоположений. Человек, совершающий ошибку, неизбежно создает историю с позиции «мета», чтобы ее осознать, понять и вписать в череду других ошибок. Эти истории помогают принять неорганизованное, неупорядоченное, не всегда поддающееся систематизации и классификации сущее в качестве некоего фрагмента опыта. Согласно теории социальных практик существует контекст правил, который создает воспроизводимые последовательности действий, структурированных рутиной повторения. При этом сущность практики в качестве специфического феномена может быть определена в той мере, в какой регулярность и своеобразие повторяемости поддается описанию и объяснению с помощью правила.

В то же время возникает вопрос о том, почему практики обычно реконструируются вдоль неких складывающихся в поле нормативности траекторий под названием правил, несмотря на их условность. Этот вопрос обретает новый смысл при обостряющемся ощущении человека, что ему удастся достичь желаемого результата часто не столько благодаря, сколько вопреки правилам, в процессе бесконечного прояснения самой возможности их верного применения.

Например, сложно представить социальный институт, в котором правила техники безопасности соблюдались бы в полной мере с учетом пошаговых предписаний их реализации. Скорее, наблюдается повсеместно присутствующая искренняя приверженность подобному кодексу безопасности и направленность каждого действия на реализацию с наименьшим отклонением от установленной нормы. И так происходит с любым правилом повседневной деятельности: если строго следовать инструкциям пользования приборами, их едва ли возможно освоить; если строго соблюдать правила дорожного движения, можно заметить существование неких интуитивно улавливаемых траекторий движения, игнорирование которых может создать проблему для большинства; если учить язык по учебнику грамматики, никогда

не начнешь говорить; если вчитываться во все пункты юридических договоров, осознаешь невозможность их реализации.

Стремление соблюдать правила повседневной деятельности воспроизводится во многом благодаря сохранению некоего доверия в рамках публичного поля социального договора. Но наличие этого доверия предполагает понимание процедуры его реализации в терминах «общих мест» или поддающегося рациональному истолкованию здравого смысла. Даже наука не может применять свои строгие правила, согласно Аристотелю, без веры в их существование, т.е. без веры в первичные и очевидные принципы организации силлогизма. Допущение существования некоей веры в правила требует прояснения ее предмета. Хотя сложно зафиксировать правила, которые на практике функционировали бы строго согласно теоретическому определению своей сущности, необходимо выявить саму специфику современного феномена правила (если таковая существует), предварительно рассмотрев неоаристотелевский, неокантианский и социально-критический подходы к его определению, в русле которых практическая философия продолжает развиваться и сегодня.

Правила праксиса в классической философии

Понятие праксиса в классической философии всегда прочитывалось как обозначение правильного образа жизни, реализующегося в регулярно воспроизводимой череде достойных похвалы поступков. Праксис немыслим без соблюдения ряда правил, которые хотя и приобретают все более актуальные формулировки, но по сути своей никогда не изменяют своего сущностного содержания. На них зиждется преемственность поколений в строительстве полиса. Аристотель утверждал, что состояние, которое предполагает присутствие «правильного правила» (*ὁρθός λόγος*), есть добродетель, сопряженная с истинным разумом практической [Аристотель 2020, 171]. Правильное практическое правило выступает в качестве общего принципа практического разума, который демонстрирует согласие с добродетелями. Правильность действия подтверждается согласованием с фронесисом («разумное приобретенное свойство души, осуществляющее людское благо» [Аристотель 2020, 158] и не поддающееся забвению). Но «практичность не может быть научной» [Аристотель 2020, 163], т.к. связана с восприятием, которое схватывает целостность объекта исходя из имеющегося опыта и выносит суждение лишь о правильности

действия, не совпадающей с истинностью вне мудрости. Добрый совет предполагает правильность суждения, которая определяется безотносительным «стремлением к благу» [Аристотель 2020, 164]. При этом, в отличие от ремесла-искусства, праксис не подчиняется строго установленному набору правил. Аристотель формулирует, скорее, наиболее универсальные принципы реализации добродетельных поступков, которые конституируют праксис. Но способ истолкования и применения данных принципов в каждом случае не может быть предписан. В этом плане практическая философия Аристотеля раскрывает не столько сами правила праксиса, сколько универсальные принципы их конституирования и реализации, из которых при верном их истолковании можно вывести правила, не сводя первые к последним.

Подобная трактовка праксиса, в котором правила выводятся из первопринципов, приобретает новое прочтение в средневековой философии. В этом контексте праксис и правило сливаются воедино. В частности, Дж. Агамбен пишет: «Или, возможно, следует говорить, что движение идет в обоих направлениях и что – в непрерывном напряжении стремясь к порогу неразличимости – правило становится жизнью в той же мере, в какой жизнь становится правилом» [Агамбен 2020, 102]. Если предполагать проникновение сакрального правила в суть жизни, то современный человек может столкнуться с чередой вопросов, на которые социальной теории еще предстоит найти ответ. Агамбен продолжает: «Но в таком случае, что это вообще за тексты – правила, – если они как будто бы перформативно реализуют жизнь, которую должны были регулировать? И что такое жизнь, которую невозможно отличить от правила?» [Агамбен 2020, 103].

Ярким примером средневекового подхода к организации повседневного праксиса служит трактат «Практик» монаха Евагрия Понтийского [Evagrius Ponticus 1987], в котором раскрывается учение о созерцательно-интеллектуальной монашеской жизни и роли умной молитвы в ней. Будучи оригенистом, он разъясняет монашеское дело на языке Платона, где путь к спасению во многом зависит от преодоления телесных потребностей с помощью духовного усилия, созерцания и молитвы.

Хотя он и использует понятие *πρακτική* [Evagrius Ponticus 1987], которым Аристотель обозначал «практический образ жизни» как совокупность действий на протяжении длительного периода, подпадающего обобщению с помощью предиката «практического»,

но у Евагрия Понтийского *практика* – это следование правилам-принципам, позволяющим вести аскетический (добродетельный) образ жизни и избегать страстей. Контролируемый и строго регулируемый монашеским уставом праксис противопоставляется природе. *Практиковать* – это значит преуспевать в контемплации, сокращая незнание и число страстей, выявляя своих демонов и справляясь с ними посредством умной молитвы.

Если у Аристотеля в противоположность созерцательному и низменному образу жизни практическая (деятельная) жизнь рассматривается как политическая, т.е. подлинно добродетельная жизнь в полисе-государстве, то у Евагрия Понтийского созерцательная жизнь монаха, сосредоточенная на умной молитве, завещанной Апостолом Павлом, предполагает уход из общественно-политической жизни, уединение. Постоянное и неисчерпаемое общение разума с Богом избавляет от страстей и дарует гармонию с внешним и внутренним миром.

Такой жанр литературы как «практик» был распространен в эпоху Средневековья не только среди монахов, но и среди страждущих избавления от страдания и спасения через веру. Структурируемая правильными действиями вера спасает от плена страстей.

Возвращаясь к Аристотелю, не стоит забывать о том, что его наука невозможна не только без строгих правил, но и без *веры* в их существование. Вера в первичные принципы организации силлогизма обеспечивает выводимость из очевидных посылок заключения. При этом задача практического ума – не останавливаться на рассудительной деятельности и двигаться в сторону мудрости, которую Аристотель сравнивает со знающим и понимающим божественным разумом, воплощающим свои умения в действительности поступков.

В русле критики аристотелизма правила для руководства ума Р. Декарта [Декарт 1950a] представляют собой совокупность положений, раскрывающих универсальные принципы продуктивной познавательной деятельности человека, реализуемые во всех сферах его жизни. Они применимы и к исследованию природы страстей. Р. Декарт демонстрирует в работе «Страсти души» геометрию чувств и соответствующее практическое руководство по ее использованию с целью утверждения всеобщего блага и преодоления беспорядка в жизни человека. Главный принцип заключается в способности контролировать свои страсти и бо-

роться с вредными, а в случае, если они одолевают, – хотя бы приостанавливать искаженное суждение и сопутствующее действие. Декарт пишет: «Когда страсть связана с делом, не требующим немедленного выполнения, то следует воздержаться от того, чтобы принять тотчас же решение, а заняться другими вопросами до тех пор, пока время и досуг не помогут успокоиться волнению крови» [Декарт 1950б, 699].

Н. Элиас полагает, что увлеченность новоевропейских авторов исследованием правил поведения в светском обществе во многом обусловлена необходимостью утверждения порядка правящей элиты, который поддавался бы управлению и мог бы быть воспроизводимым и предсказуемым в своем развитии. Система правил представляла собой сложный для понимания большинства код, реализация которого гарантировала возможность принятия лишь избранного меньшинства в строго ограниченном нормами поведения социальном пространстве [Elias 2017].

С течением времени сфера правильного праксиса превращается в сферу суждений о принципах реализации добродетельного действия и критериях его оценки. Немецкая классическая философия существенным образом изменила восприятие европейского праксиса и во многом обусловила современную его трактовку [Мацевич-Духан 2021]. Согласно И. Канту, *практическое правило* производится разумом, предписывающим поступок как средство достижения цели [Kant 2003]. Собственно праксис появляется лишь в том случае, если разум определяет принципы, структурирующие деятельность, оформляющие ее в нечто, поддающееся оценке. Кроме субъективных правил как максим, существуют практические законы – объективные всеобщие практические правила, выводимые из безусловного категорического императива.

Французская революция способствовала установлению жесткой регламентации поведения, которая отныне распространялась на все слои населения и сферы жизни. Правила постепенно отделяются от добродетельной природы праксиса и выводятся из воспроизводимого принципа самого деяния. Их всевозрастающая артикуляция и легитимация со стороны государства приводила к частичному замещению приватного пространства общественно-политическим. Декларация ноября 1795 года Временной комиссии республиканского надзора, учрежденной в освобожденном Лионе, провозглашала: «Чтобы считаться истинным республиканцем,

каждый гражданин должен совершить в себе революцию, подобную той, что изменила лицо Франции...» [Хант 2018, 23]. Жизнь по правилам и вопреки им приобретает новый политический смысл, который предполагает подчинение норме, выводимой уже не столько из праксиса, сколько из определенной политической оценки его последствий. Ссылаясь на речь Робеспьера от 5 февраля 1794 года «О принципах политической морали», Комитет общественного спасения заявлял: «В системе французской революции то, что является безнравственным и неблагоразумным, то, что является развращающим, – все это контрреволюционно» [Хант 2018, 22].

Неокантианский и неоаристотелевский подходы к правилам праксиса в современной социальной теории

Неокантианский подход, первоначально заявивший о себе в работах Г. Лотце [Lotze 1884], предполагал, что одна из центральных задач практической философии заключается в выявлении предельно абстрактных правил жизненного благоразумия, которые помогали бы индивиду осваивать различные формы блага. Абсолютное достоинство человека обосновывается исходя из этических максим. Исследуя практические аксиомы, посредством которых действие становится в меньшей степени зависимым от конкретных обстоятельств дела, Г. Лотце рассматривает, каким должно быть универсальное действие человека в рамках таких форм жизни, при которых достигается наибольшее по качеству и количеству благо в согласии с выявленными принципами действия. Проектируя их на частные примеры, он демонстрирует *правила вынесения суждения о ценности* различных модусов действия, производящих тонкое удовлетворение нравственного духа от их безусловной апробации [Мацевич-Духан 2021].

Во многом под влиянием Г. Лотце неокантианец Э. Ласк [Lask 1907] развивает практическую философию, вписывая ее в рамки своего оригинального учения о ценностях. Рассматривая правило праксиса как *социальный тип ценности (sozialer Werttypus)*, Э. Ласк стремится прояснить его связь с эмпирической действительностью. Общественная значимость практического правила отсылает к некоему трансцендентальному месту, которое делает его валидным. Однако способ применения правила обусловлен его истолкованием в мире культуры. Хотя философия и фокусирует внимание преимущественно на «поиске трансцен-

дентального места» (*die Aufsuchung des transzendentalen Ortes*), объединяющего различные ценностные взгляды, но не может игнорировать необходимость конкретизации формул правил относительно эмпирической действительности.

Всевозрастающая степень варьирования форм правил и необходимость их согласования, объяснения доминантных направлений их эволюции приводит Н. Элиаса в русле философии неокантианства к раскрытию закономерностей их развития в теории социальной фигурации [Elias 2017]. Рассматривая многообразие моделей сплетения правил, он выявляет доминантные взаимозависимые фигуры индивида и общества в различных исторических эпохах и социально-культурных контекстах. Их комплексная динамика порождает процесс фигурации правил поведения.

Следуя за Г. Лотце, Н. Элиас уделяет особое внимание чувствительности человека, выделяя характерные для каждой эпохи правила ее регулирования и выражения в публичном пространстве. Если картезианские правила пытались совладать с человеческой страстью и подчинить ее разуму, Н. Элиас превращает их в инструмент развития чувствительного ума, не сводимого к пронизательности рассудка.

В этом контексте возникает потребность выявить специфику переживаний, формирующих социальные практики, способные объединять индивидов в сообщества. Немецкий философ Э. Штайн исследует, на основе какого практического опыта индивидуальное дает возможность произрасти общинному. Начиная с анализа индивидуального сознания как мира для себя, хотя и с учетом внешних факторов, Э. Штайн пыталась прояснить, каким образом реализуется переход от индивидуального к общинному сопереживанию, соучастию и сопричастности общему чувству. Однако нельзя не отметить, что ряд оригинальных решений данной проблемы Э. Штайн формулирует в диалоге с практической философией Аристотеля, И. Канта и Э. Ласка.

Подобно Аристотелю [Аристотель 2012], Э. Штайн находит каждого индивида направленным в сторону конца (*τέλος*) сообщества [Stein 2010]. Цель в построении сообщества становится целью развития индивида. Возникновение общих чувств обусловлено существованием объектов, которые индивиды признают в качестве ценностей. Индивидуальное сознание вовлекается в сеть физических и социальных объектов, заставляющих реагировать на них посредством оценочных суждений. Данные объекты,

с одной стороны, зависят от признания их существования, с другой – заставляют реагировать, высказывая суждение о них. Объект-ценность, принуждающая различных индивидов отвечать на ее призыв, заявляет свое право на каждого из тех, кто ответил на первоначальный вызов. Можно по-разному реагировать на ценности, но их реальность остается объективно существующей и выражается в горизонте суждений о ней [Мацевич-Духан 2020].

В диалоге ценностей и индивидов формируется специфический опыт сообщества, разделяемый откликнувшимися на призыв воспринимаемых ценностей. Многообразие их типов создает определенную форму общества, которую Э. Штайн сравнивает со сложным произведением искусства, чье развитие подчиняется, скорее, эмпирическим правилам и закономерностям, нежели строгим естественнонаучным законам [Stein 2010]. Их постижение предполагает наличие особого рода интуитивного сознания, эмпатии и духовной настроенности на исследуемый объект.

Испытавшая существенное влияние философии Э. Штайн [MacIntyre 2007] теория добродетели А. Макинтайра [Макинтайр 2000] базируется на аристотелевском и томистском прочтении природы сообщества. Выявляя причины распада моральных оснований жизни современного общества, он возвращается к истокам либерального индивидуализма и плюрализма концепций добродетели. Для обретения устойчивых оснований добродетельной жизни А. Макинтайр обращается к теории морали Аристотеля. Одна из причин сегодняшнего кризиса в развитии моральной теории заключается в эрозии социально-экономической и политической среды, в которой должны проявляться добродетели. Такой средой в эпоху Древней Греции был полис, выступавший прежде всего как политическое сообщество, жизнь которого «наполнена не тем или иным благом, а благом как таковым» [Макинтайр 2000, 213]. Любая привязанность обусловлена общей приверженностью благу. Хотя в древнегреческом полисе и присутствовало многообразие ценностей, но все они были иерархически организованы в определенного рода единство добродетелей свободных граждан, участвующих в политической жизни общины. Основанием достижения согласия в политических спорах является понимание и принятие в практике отношений между членами сообщества справедливости в качестве первой из всех добродетелей. У каждой практики существуют свои внутренние блага. Но присутствует и

общая цель человеческой практики как таковой, которая направляет граждан в сторону нарративного единства добродетелей и сохранения общественной солидарности [Мацевич-Духан 2020].

Современная социальная теория, чтобы справиться с изменчивостью правил праксиса, пытается заместить их альтернативными объяснительными конструктами. Например, П. Бурдьё использует понятие схемы практики, в теории Э. Гидденса правило поглощается понятием структуризации, М. Фуко рассматривает правило как проявление дисциплинарного пространства, Ю. Хабермас определяет его как временный продукт рационализации рынка аргументов, А. Хоннет вводит принцип признания, Р. Йегги и Е. фон Редекер замещают его предельно абстрактной идеей нормативности различных форм жизни. Этот ряд можно дополнять множеством примеров. Но остается непроясненным вопрос о том, какой именно из принципов оказывается наиболее действительным и последним первопринципом правильной жизни в современном обществе, детерминирующим характер доминантной формы правила.

Рассмотрим один из репрезентативных ответов на данный вопрос *социально-критической теории*. Правила, с точки зрения немецкого философа Р. Йегги, неизменно остаются специфическим атрибутом социальной практики, т.к. последняя регулируется и конституируется, определяется и предписывается с их помощью. В то же время правила выражают лишь один из возможных модусов нормативности. Каждое правило имеет собственный нормативный вес и степень давления на индивида.

В рамках критической теории форм жизни Р. Йегги интересуют не столько правила, сколько то, что им предшествует, и то, что их сопровождает, если мы забываем правила или не можем выразить их, но продолжаем действовать по инерции так, словно руководствуемся ими. В современном мире оказывается проще выделить «нормативную принадлежность» [Jaeggi 2018] определенной форме жизни, которая предполагает освоение отличительных для нее правил и образцов поведения, не требуя их экспликации до их реализации. Необходимость артикуляции правил возникает в ситуации оправдания валидности формы жизни как одной из возможных наряду с другими. Неспособность ее вычленить из череды подобных и обосновать ее право на существование приводит к ее постепенному нивелированию

и дальнейшему смещению с другими формами жизни. Категория правила в социально-критической теории Р. Йегги сводится к просвечиванию пространственно-временной специфики материи и структуры практики. Вместе с тем немецкий философ не проясняет онтологическую и аксиологическую природу правила в современном праксисе. Скорее, ее интересует, какие отношения и практики конституируют форму жизни, которая могла бы выступать в качестве критерия «успешности» образа жизни как отдельного индивида, так и сообщества в целом.

Если Г. Лотце замещает вопрос о правилах праксиса проблемой выбора между ценностями различных форм жизни, то Р. Йегги истолковывает вопрос о правилах социальной практики в категориях правильной формы жизни. Подобно тому, как вещь в философии Э. Ласка отсылает к ценности, действие в социальной теории Р. Йегги отсылает к определенной форме жизни с ее нормативными рамками. Однако в ситуации множественности ценностей и способов их выявления неизбежно возникает проблема определения протоценности, фундирующей социальную практику. Понятие протоценности у Э. Штайн и Р. Йегги маркирует точку пересечения различных социально-исторических интересов, оставаясь символическим обозначением трансцендентального места в философии Э. Ласка.

Каждая форма жизни в своем притязании на валидность является предметом оценки. При этом каждая из них претендует на универсальную валидность, выходящую за нормативные рамки конкретного сообщества. Р. Йегги отказывается от аристотелевского фокусирования на вопросе о хорошей или правильной жизни гражданина полиса, предполагая, что сегодня человек все чаще находится в поиске не столько правильной, сколько успешной формы жизни, где моральные императивы и запреты могут быть противопоставлены суждению вкуса. В каждой из форм существуют свои порядки реализации ценностного суждения, которые определяют, какие именно вещи могут выступать в качестве ценностей. Таким образом, Р. Йегги реконструирует вопрос об этически правильном праксисе в терминах неокантианской теории ценностей, не сводимой к философии морали. Она замещает вопрос о правилах ценностно-нормативными ориентациями в рамках той или иной формы жизни, которые требуют учета горизонта социального опыта в целом.

О правилах праксиса в современной творческой и революционной деятельности

Немецкий философ Е. фон Редекер, ученица Р. Йегги, формулирует важный для социально-критической теории вопрос о том, когда и каким образом повторяемое действие, согласно четко фиксируемым правилам, превращается в революционный акт [Redecker 2018]. Постановка данного вопроса неразрывно связана с природой творческого акта и его перерождением в праксис.

Хотя социальные практики воспроизводят правила, но они одновременно их формируют. Человек осознает в процессе практики, правильно ли он что-то делает, корректируя ход действий. На пути к некоему идеалу блага личность постоянно совершенствует свое действие, отклоняясь от уже освоенных правил. И в этом смысле подлинная социальная практика всегда имеет творческий характер, который одновременно ломает и устанавливает правила.

Современные творческие практики подвергаются все большей схематизации посредством инструкций, руководств, тренингов и мастер-классов. Аристотелевский *пойэсис* как *технэ* всегда предполагал следование правилам и производство благодаря им воспроизводимого по образцу продукта. Однако сегодняшний феномен творчества претендует на статус, скорее, аристотелевского *праксиса* как общественно значимого *действия ради самого действия*. Хотя в последнем содержится и нормативная составляющая, но она определяется в категориях добродетели, а не продуктивной пользы. Социальные практики, в том числе творческие, не бывают изолированными друг от друга. Всегда существует контекст, запрещающий или поощряющий. Их контекстуально обусловленная многосторонность определяет характер нормативности в самом процессе повторяемости, просвечивающем структуру временных переменных. Не всякая последовательность действий конституирует праксис, но только такая, которая способна одновременно схватить и артикулировать правило собственного повторения как простирающейся в пространстве и времени цепи возобновлений. Повторение согласно правилу просвечивает структуру практик, которая поддается интерпретации.

Сущность правила практического действия может быть выражена в ассерторическом высказывании, в суждении в модусе реального утверждения. Но его реализация происходит в модусе условно-сослагательной нормативности. Разрыв между инсти-

туционально зафиксированными определениями правил и тем, что реализуется на практике, – две реальности, не являющиеся слепокми друг друга, они не совпадают при накладывании друг на друга их проекций.

В пространстве, где институциональные правила не всегда работают в соответствии со своим определением, они в то же время могут продолжать действовать как ориентиры. Функции правил в современном праксисе изменяются: они рассматриваются уже не столько как запрещающие, предписывающие или разрешающие, а скорее, как направляющие в сторону тех или иных общественных ценностей. В совокупности эти *ценностные ориентации* формируют определенный стиль жизни как онтологический узел, в котором актуализируются валидные правила с общественной точки зрения. В случае отклонения от него свершается творческий акт, который может превратиться в нарушение, приобретающее черты революционной деятельности, направленной на изменение имеющихся правил сосуществования в социальном мире. Парадоксальным образом именно роскошь правильной жизни в форме ее избыточности породила революционную реакцию неимущих против жизни по ранее установленным правилам. Следуя за мыслью В. Зомбарта, отметим, что некогда «роскошь, которая сама, как мы видели, была законным плодом незаконной любви, привела к рождению капитализма» [Зомбарт 2008, 236]. Согласно позиции немецкого философа, развитие индустрии роскоши, содействующее всевозрастающему потреблению ее предметов, имеет революционизирующую силу. «Победа самки» [Зомбарт 2008, 133], проявляющаяся в ее повсеместном господстве, превращает мир в ее «будуар». Через него открывается дверь в спокойную жизнь ремесленника с его традиционным укладом жизни. Индустрия роскоши, мирно шествуя мимо его дома, соблазняет своими безделушками и лишает покоя ввиду кажущейся ее доступности. И в этом аспекте никто не может сравниться в чрезмерности очарованного праведника-простолюдина, пытающегося вырваться из своего маленького уютного мира.

Прежде считали, что практика революционируется, т.к. не вписывается в имеющиеся правила ее организации и интерпретации. В ситуации пандемии коронавируса можно было наблюдать, что практика становится все более революционной, когда она пытается предельно педантично следовать строго установленным правилам. Кристаллизация правильности нередко приводит

к бесконечному регрессу в ее определении, реализующемуся в редукции публичного поля, в котором допустимо выносить какое-либо ценностное суждение о валидности форм выражения и реализации зафиксированных правил праксиса.

Что тем не менее является в условиях коллективного сосуществования и сопереживания подлинно свободным творческим действием, не разрушающим установленный порядок праксиса? Сохраняется ли возможность его реализации в ситуации общественного давления в отношении необходимости принятия определенной гражданской позиции при его осуществлении? Немецкий философ Э. Штайн, бесстрашно воплотив его в собственной судьбе, подчеркивает, что свобода творческого действия личности всегда предполагает возможность как принятия установленного правила, так и отклонения от него, если индивид не только переживает свое Я, но и чувствует себя ответственным за свершаемое, и в этом смысле господином собственного опыта [Stein 2010].

В этой ответственности за Другого проявляется социальность подлинно свободного действия творческой личности в современном мире. Даже в распространенной сегодня теории перформативного действия как средства оправдания права на присутствие в публичном пространстве, демонстрацию в нем своей гражданской позиции традиционные социальные узы и обязательства не изживают себя, напротив, требуют утверждения свободного действия как проявления «конституированности социальным миром и в этом мире» [Батлер 2018, 107]. Смысл свободной жизни по правилам и вопреки им – в этой зависимости от других, «переплетенности» других жизней с моей, «которую невозможно свести к национальной принадлежности или коммунитарному членству» [Батлер 2018, 107]. Этическое воззвание, призыв, воздействие, понуждение, требование, навязывание, преследование, обязательство в отношении Другого делают индивида ранимым и уязвимым перед притязанием Другого. Восприимчивость к другому человеку как условие ранимости способствует ответу с его стороны и нахождению общих мест для определения универсальных правил реализации диалога.

Заключение

Среди многообразия понятий, применимых к структурированию праксиса, правило на протяжении всей истории философии неизменно остается его неотъемлемым атрибутом. Несмотря на

растущее число форм выражения и реализации правила, в современном мире оно все еще способно ограничивать произвол действия в той мере, в какой последнее противоречит реализации интересов большинства граждан. Правило в различных валидных и общественно оправданных формах воплощения позволяет выстроить воспроизводимую траекторию движения сложного социального механизма в направлении установленной ценностно значимой цели со всеми имеющимися остановками на его пути в интересах тех, кто в нем и с его помощью передвигается. Однако этот механизм работает, пока сохраняется социальное доверие, объединяющее попутчиков в стремлении достичь определенного пункта назначения. Его регулярное воспроизведение превращает данный опыт в постепенно и все более отчетливо структурируемый праксис коллективного воспоминания о содеянном по правилам и вопреки им. Неоаристотелевский, неокантианский и социально-критический подходы к осмыслению природы правила в современном праксисе помогают выявить традиционные формы его выражения и реализации в публичном пространстве, способствуя его универсальному истолкованию в качестве ценностно значимого регулятива общественной жизни.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Агамбен 2020 – *Агамбен Дж.* Высочайшая бедность. Монашеские правила и форма жизни / пер. с ит. и лат. С. Ермакова. – М.: Изд-во Института Гайдара; СПб.: Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2020.

Аристотель 2012 – *Аристотель.* Политика / пер. с древнегреч. С.А. Жебелева, М.Л. Гаспарова. – М.: АСТ: Астрель, 2012.

Аристотель 2020 – *Аристотель.* Этика / пер. с древнегреч. Э. Радлова, Т. Миллера. – М.: АСТ, 2020.

Батлер 2018 – *Батлер Дж.* Заметки к перформативной теории собраний / пер. Д. Кралечкина. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2018.

Декарт 1950а – *Декарт Р.* Правила для руководства ума // *Декарт Р.* Избранные произведения. – М.: Политиздат, 1950. С. 77–170.

Декарт 1950б – *Декарт Р.* Страсти души // *Декарт Р.* Избранные произведения. – М.: Политиздат, 1950. С. 593–710.

Зомбарт 2008 – *Зомбарт В.* Роскошь и капитализм / пер. с нем. Д.В. Кузницына // *Зомбарт В.* Собрание сочинений: в 3 т. Т. 3. – СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 7–238.

Макинтайр 2000 – *Макинтайр А.М.* После добродетели: исследование теории морали / пер. с англ. В.В. Целищева. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000.

Мацевич-Духан 2020 – *Мацевич-Духан И.Я.* Проблема Gemeinschaft в социальной теории // *Философские исследования*. 2020. № 7. С. 126–136.

Мацевич-Духан 2021 – *Мацевич-Духан И.Я.* Праксис и практика: способы различения // *Философские науки*. 2021. Т. 64. № 3. С. 50–79.

Хант 2018 – *Хант Л.* Французская революция и частная жизнь // *История частной жизни*. Т. 4. От Великой французской революции до I Мировой войны / пер. с фр. О. Панайотти. – М.: Новой литературное обозрение, 2018. С. 19–51.

Elias 2017 – *Elias N.* Über den Prozeß der Zivilisation: Soziogenetische und psycho-genetische Untersuchungen. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2017.

Evagrius Ponticus 1987 – *Evagrius Ponticus*. Praktikos and on Prayer / transl. by S. Tugwell. – Oxford: Faculty of Theology, 1987.

Jaeggi 2018 – *Jaeggi R.* Critique of Forms of Life / transl. by C. Cronin. – Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press, 2018.

Kant 2003 – *Kant I.* Kritik der praktischen Vernunft. – Hamburg: Felix Meiner, 2003.

Lask 1907 – *Lask E.* Rechtsphilosophie // *Die Philosophie im Beginn des 20. Jahrhunderts*. – Heidelberg: C. Winter, 1907. S. 269–320.

Lotze 1884 – *Lotze H.* Grundzüge der praktischen Philosophie. – Leipzig: Verlag von C. Birzel, 1884.

MacIntyre 2007 – *MacIntyre A.C.* Edith Stein: A Philosophical Prologue, 1913–1922. – Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2007.

Redecker 2018 – *Redecker E. von.* Praxis und Revolution. – Frankfurt: Campus, 2018.

Stein 2010 – *Stein E.* Beiträge zur philosophischen Begründung der Psychologie und der Geisteswissenschaften. – Freiburg: Herder, 2010.

REFERENCES

Agamben G. (2020) *The Highest Poverty: Monastic Rules and Form-of-Life*. Moscow: Gaidar Institute Press; Saint Petersburg: Faculty of Liberal Arts and Sciences, Saint Petersburg State University (Russian translation).

Aristotle. (2012) *Politics* (Zhebelev S.A. & Gasparov M.L., Trs.). Moscow: AST (Russian translation).

Aristotle. (2020) *Ethics* (Radlova E. & Miller T., Trs.). Moscow: AST (Russian translation).

Butler J. (2018) *Notes toward a Performative Theory of Assembly*. Moscow: Ad Marginem Press (Russian translation).

Descartes R. (1950a) Rules for the Direction of the Mind. In: Descartes R. *Selected Works* (pp. 77–170). Moscow: Politizdat (Russian translation).

Descartes R. (1950b) The Passions of the Soul. In: Descartes R. *Selected Works* (pp. 593–710). Moscow: Politizdat (Russian translation).

Elias N. (2017) *Über den Prozeß der Zivilisation: Soziogenetische und psychogenetische Untersuchungen*. Frankfurt am Main: Suhrkamp (in German).

Evagrius Ponticus (1987). *Praktikos and On Prayer* (S. Tugwell, Tr.). Oxford: Faculty of Theology.

Hunt L. (2018) The French revolution and private life. In: *A History of Private Life* (Vol. 3, pp. 19–51). M.: Novoye literaturnoe obozrenie. (Russian translation).

Jaeggi R. (2018) *Critique of Forms of Life* (C. Cronin, Tr.). Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press.

Kant I. (2003) *Kritik der praktischen Vernunft*. Hamburg: Felix Meiner (in German).

Lask E. (1907) Rechtsphilosophie. In: *Die Philosophie im Beginn des 20. Jahrhunderts* (pp. 269–320). Heidelberg: C. Winter, 1907 (in German).

Lotze H. (1884) *Grundzüge der praktischen Philosophie*. Leipzig: Verlag von C. Birzel (in German).

MacIntyre A.C. (2000) *After Virtue: A Study in Moral Theory*. Moscow: Akademicheskij proekt; Ekaterinburg: Delovaya kniga (Russian translation).

MacIntyre A.C. (2007) *Edith Stein: A Philosophical Prologue, 1913–1922*. – Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2007.

Matsevich-Dukhan I.Ja. (2020) The problem of Gemeinschaft in social theory. *Filosofskie issledovaniya*. No. 7, pp. 126–136 (in Russian).

Matsevich-Dukhan I.J. (2021) Praxis and Practice: Ways of Distinguishing. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 64, no. 3, pp. 50–79 (in Russian).

Sombart W. (2008) Luxury and Capitalism. In: Sombart W. *Collected works in 3 Vols.* (Vol. 3, 7–238). Saint Petersburg: Vladimir Dal' (Russian translation).

Stein E. (2010) *Beiträge zur philosophischen Begründung der Psychologie und der Geisteswissenschaften*. Freiburg: Herder (in German).

von Redecker E. (2018) *Praxis und Revolution*. Frankfurt: Campus (in German).